

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в. (III—IV)

III. Азбука о голом и небогатом человеке

I

В византийской литературе были широко распространены стихотворения-акростихи, одну из разновидностей которых представляют азбучные стихотворения: в них первые буквы строк или строф составляют алфавит. Через юго-славянское посредство эта литературная форма была перенесена к нам и пережила на русской почве любопытную историю — от переводной лирической азбучной молитвы Константина епископа болгарского (русские списки с XII в.) через многочисленные «толковые азбуки» XIII—XVII вв. церковно-догматического, церковно-исторического, полемического и назидательного содержания, к бытовым и сатирическим «историям по алфавиту» XVII и XVIII вв. и, наконец, к «революционной азбуке» 1905 г. С. В. Чехонина и А. Успенского¹ и «Советской азбуке» В. Маяковского² — острой и едкой сатире на интервентов, пытавшихся одолеть Советский Союз. Краткий обзор сохранившихся образцов этих «толковых азбук», «азбук с толкованием», «складных азбук» или «азбуковников», как они обычно называются в рукописной традиции, покажет нам, насколько гибкой оказалась данная литературная форма: в разные эпохи различные общественные группы использовали ее, чтобы особенно отчетливо запечатлеть в памяти читателей свою идеологию.

Старшие из известных в русской литературе «толковых азбук» — две лирических молитвы: первая — упомянутая выше молитва Константина

¹ Эту азбуку предполагалось издать в Женеве, но для ускорения решили отпечатать ее в Петербурге с указанием на женевскую типографию. Полиции, однако, удалось узнать об этом, и были арестованы не только отпечатанные листы, но и самые оригиналы рисунков. См. В. Боцяновский, Русская сатира первой революции 1905—1906. Л., 1925, стр. 42—43.

² Собр. соч., т. IV, М., 1929, стр. 244—246.

епископа болгарского, широко распространенная в русских списках с XII в. (нач.: «Аз словом сим молюся богу . . .»), вторая — «Азбуковник», сохранившийся в рукописи ярослав. спасо-преображенского монастыря (нач.: «Аз тебе принадаю, милостиве . . .»)¹ Обе эти молитвы построены в виде монолога, который, в зависимости от начального «аз», и делается преобладающим в азбуках до XVI в., а частью и позже. С XVI—XVII вв. азбучная форма выходит иногда из рамок монолога.

Обращаясь к содержанию «толковых азбук», мы видим, что до XVI в. оно было по преимуществу церковно-догматическим или церковно-историческим.²

Часть этих «толковых азбук» включалась в первоначальное обучение грамоте: азбука-граница, о которой пишет архиепископ новгородский Геннадий к митрополиту Симону, несомненно, и была такой «толковой азбукой», служившей одновременно первым руководством для усвоения основных догматов христианского вероучения и главных событий библейской истории. С появлением печатных учебных книг эти старые азбуки стали включаться и в них.³

¹ Обе молитвы изд. А. Соболевский. Церковнославянски тѣ стихотворения отъ IX—X вѣкъ и тѣхното значение за церковнославянския езикъ. 1899, стр. 6—10. В рукописи XI в. Гос. истор. музей № 30 сохранился перевод греческого азбучного стихотворения, содержащего ряд наставлений для нравственной жизни. Но переводчику не удалось подогнать первые слова строк так, чтобы они составили алфавит, а потому он ограничился тем, что перед каждым стихом поместил соответствующую букву алфавита: «А. Начаток всех и конец твори бога. Б. Жития приобретение жити на всяк день» и т. д. В греч. оригинале начальные слова этих стихов — Ἀρχή, Βίος. Текст изд. Н. М. Каринский. Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. Изв. по РЯС, 1930, т. III, кн. I, стр. 259—261.

² См. азбука о свойствах божества: «Аз емь всему миру свет . . .» (рпк. Моск. дух. ак. Волоколам. собр. № 529); о том же «азбука начало о бозе»: «Аз преже о госпде бозе начинаю венцати . . .» (стихирарь крюковой тр.-серг. лавры № 408. XV в.); история Адама: «Аз наречеса Адам» (рпк. Общ. ист. и др., отд. I, № 208); очень распространенная «азбука о воскресении христове»: «Аз воскресох от мертвых . . .» (рпк. Погодин. № 1594, XVI в. и др.); три полемических противопонудейских азбуки: «о исхождении из Египта и о вавилонстемь плени и о работе иже при Антиоше, глаголеть господь ко израилю»: «Аз емь, израилю, извездый тя из дому работнаго . . .» (рпк. тр.-серг. лавры № 408); «о проповедании воскресения еже претися пред неверными и о соблазняющемся о воскресении спасителя миру»: «Аще не бы во гроб положен господь . . .»; «о позвании нищем и о жалобе божи»: «Аз пророческим гласом совершитель . . .» (обе последние в рпк. Общ. ист. и др., отд. I, № 208); азбука — покаяние человека в грехах: «Аз емь обязаяся кушлями житейскими и печалми сутными . . .» (рпк. Гос. публ. библ. О. XVII, 164, XVI в.); поучение о поведении в церкви в форме виршевой азбуки: «Аз бог господь всех в церковь призываю . . .» (рпк. Щукина № 383, XVIII в.) и др. Иногда эти толковые азбуки встречаются в рукописях и целыми группами. Так, напр., подоб азбук читаем в рпк. собр. Уваровз № 1892 (778), XVII в. и № 1894 (848) также XVII в., в рпк. Общ. ист. и др. отд. I, № 208, XVII в. и др.

³ См. азбуку Бурцева, виленскую грамматику 1621 г. и более поздние прописи, изд. Д. Ровинским: Русские народные картинки, т. II, СПб., 1881, стр. 503—505.

Но уже в XVII в. «толковая азбука» выходит из тесных рамок церковной догматики и истории и сосредоточивается на вопросах бытовой морали. Старая форма показалась пригодной для внедрения в сознание широкого круга читателей начавшей уже в это время сильно «шататься» старой морали. От XVII в. сохранилась обширная «буквица сотворена по крастихидии, рекше по алфе, избрана от многих на малая на поощрение уму и на просвещение души и на познание жизни вечныя от богодухновеннаго писания многих святых в ползу и похвалу во православной вере сияющим» (рпк. Гос. публ. библ., Ф. I. 739, XVII в.). Здесь в порядке алфавита дан длинный ряд наставлений в житейской мудрости: «умей во время смолчать», «люби мудрейших мужей», «не наступай на силнаго человека», «поношение и укоризну прими господа ради» и т. д. Во всех этих советах ясно слышно стремление погасить всякий протест в недовольных, удержать старые устои, словом выполнить то, что в XVI в. пытался сделать Домострой.

В XVII же веке возникла «Азбука писана о хмелю» (рпк. Ундольск. № 552, XVII в.)¹ — своего рода энциклопедия, использовавшая все накопившиеся к тому времени обличения пьянства, все старые доказательства того, что «вино подобает нам во славу божию испити», что оно «невинно», а все зло в пьянстве, и потому «пьяницы царствия божия не наследят». Образ пьяницы нарисован здесь красками, взятыми из старой обличительной литературы и из современного автору быта. Азбучная форма помогла автору суммировать всю веками накопившуюся мудрость, которая для реальной русской действительности XVII в. так удобно примиряла обилие кабаков с осуждением пьянства как греха.

Во второй половине XVII в. создается ряд виршевых «азбуковников» — сводов школьных правил, адресующихся и к учащим и к учащимся. Расположенные обычно двоестрочиями, они каждый первый стих двоестрочия начинают с порядковой буквы алфавита. Таков трактат «Школьное благочиние, всеспасительное учение». Общий характер этого азбуковника, как и подобных ему, вполне определяется предисловием, заключающим в себе панегирик розге. Педагогическая действенность ее для автора вне сомнений: «Аще ли же без розги из млада возрастется, старости не достиг, удобь скончится». Адскими мучениями угрожает ленивым ученикам «азбуковник о нерадивоучащихся ученицех»: «Елико таковии духовнаго учения отме-

¹ Изд. В. В. Попов. Азбука о хмеле. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. XVII, вып. 5—6, стр. 349—361.

щутся, от бога и святых его в будущем веце отторгнутся, в егену (геенну. В. А.) и тму несветимую вметнутся».¹

Систематизация литературного материала с помощью алфавита применяется в XVII в. и к такой, казалось бы, неподходящей форме, как повесть. Поэтическая повесть об Азове во второй редакции разбивается на главы, подвергаясь некоторым стилистическим изменениям, чтобы подогнать начала глав к соответствующим буквам; так же переделывается Александрия; наконец в начале XVIII в. так наз. «Роман в стихах» — история двух несчастных любовников — повторяет в расширенном виде старую форму «толковой азбуки».²

Перечень переводных и оригинальных «толковых азбук», вращавшихся в русской письменности до XVII в. включительно, показывает, что они в своем содержании отражали различные стороны идеологии господствующих классов. Вопросы религиозные, моральные, педагогические освещались в них с точки зрения традиционного мировоззрения верхов феодального общества. XVII в. с его обостренной классовой борьбой сделал из толковой азбуки орудие, направленное именно против этой господствующей идеологии. Подобно тому как старые формы церковной литературы, деловых документов в руках передовой, революционно настроенной части общества того времени послужили для создания смелой и острой сатиры, резко критикующей разные стороны тогдашнего государственного строя, — и «толковая азбука» с XVII в. становится, иногда до нашего времени, формой сатирической литературы. И на фоне старых азбук с их традиционной идеологией эта новая сатирическая азбука производит впечатление такой же пародии, как «Калязинская челобитная», «Повесть о ерше», «Служба кабаку» и другие сатирические памятники второй половины XVII в.

II

Сатирическая «Азбука о голом и небогатом человеке» известна мне в пяти списках:

1. Забелина, без начала; по указанию Забелина, текст помещается в «Скорописной азбуке XVII в.». В рукописях собрания Забелина, передан-

¹ Д. Мордовцев. О русских школьных книгах. Чт. Общ. ист. и др. рос., 1861, кн. 4 и отд. М. 1862; А. Петров. Азбуконик о нерадивоучащихся ученицех. Нар. образование, 1896, № 11 и отд.; В. В. Буш. Памят. стар. рус. воспитания, II, 1918, стр. 106—109.

² В. Буш. Старинные азбуки прописи. Изв. ОРЯС РАН 1918, кн. I, стр. 205—210; Н. А. Маркс. Азбука 1667 г., М., 1910 — здесь издан текст Александрия; роман в стихах изд. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., СПб., 1905, стр. 45—58. В. Ф. Покровская. Стихотворная биография подъячего. Тр. ОДЛ, т. II, 1935.

ных в Гос. исторический музей, этой рукописи нет; указанием на то, что «Азбука о голом» воспринята писцом данной рукописи именно как азбука, являются вписанные в двух местах среди текста отдельные слова на ту букву, с которой начинается следующая строка (перед строкой — «страмно мне молодцу...» вписаны «страсть, смерть, сердце»; перед «хотелось мне молодцу» — «Христос, христов, христианин»). Текст «Азбуки о голом» начинается в данном списке с буквы Л: «Люди богатые живут славно...» (изд. И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., ч. II, М., 1915, стр. 622—623). А.

2. Забелина № 536 (855), XVIII в. — «История о голом по алфавиту». Нач.: «Аз есмь голоден и холоден...»; здесь наша азбука помещена среди ряда повестей переводных и оригинальных, записей былин и тому подобных «светских» произведений. З.

3. Вахрамеева № 704, XVIII., л. 9 об. — 10 об. «Азбуковник». Нач.: «Аз есмь голоден и холоден...»; в том же сборнике помещается и юмористический «Азбуковник о прекрасной девице», юмористическая «Инструкция от мужа жене данная, понеже жена мужу подданная», две повести о ерше и сказание о Фоме и Ереме (см. А. Титов, Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 494—495). В.

4. Перетца Q. 77, к. XVIII в., л. 8 об. — 9. «Сказание о голом и небогатом». Нач.: «Аз есмь наг и бос, холоден...» По содержанию сборник представляет ряд выписок из учебных книг; в том числе из «Азбуки скорописной» помещена старая «толковая азбука», нач.: «Аз есмь прежде всех век...» (л. 13—14 об.); есть образцы писем, «каким образом писать и кому писать» (л. 10—12), беседа трех святителей (л. 12—13), «реестр, что в синодальной области имеется» церквей, монастырей, митрополитов и т. д. (л. 1—2 об.), выписки из книги Анфологион, о семи смертных грехах, семи тайнах церковных, 14 добродетелях душевных и 4-х телесных (л. 2 об. — 5); вслед за этим идет «Калаязинская челобитная» (л. 5 об. — 8 об.) и «Сказание о голом». Подбор статей как-будто говорит за то, что составитель сборника ассоциировал образцы всевозможных писем и «Калаязинскую челобитную», старую азбуку церковно-догматического характера и «Сказание о голом». П.

5. Щукина № 1080, XVIII в., л. 20 об. — 22. «Азбука о голом и небогатом человеке». Нач.: «Аз есмь наг и бос, холоден...» Текст кончается буквой Н, а затем к нему механически присоединен отрывок рифмованного жарта — молодца печет блины, некто добивается ее любви. III.

Окружение, в котором встречается в рукописях «Азбука о голом», показывает, что в XVIII в. она уже обычно воспринимается как повесть, сказание, а не азбука в прежнем точном значении этого слова. Мы находим ее рядом с другими сатирическими произведениями XVII в. — повестью о куре и лисице, о попе Савве, «Калязинской челобитной». Самый текст азбуки довольно свободно меняется стилистически и, сохраняя в общем схему рассказа обнищавшего героя о своей печальной судьбе, некоторые детали его биографии то опускает, то варьирует.¹ Наиболее интересный в отношении этих биографических подробностей старший список А, к сожалению, не сохранил начало рассказа.

История «голового и небогатого человека» рисуется по сохранившимся спискам в таком виде. Он получил от родителей наследство: «Отец мой и мати моя оставили мне дом и имение свое» (так в сп. А; остальные списки в этой строке упоминают только «имение», но в других местах текста называют и «дом»). Жизнь в этом родительском доме вспоминается ему как зажиточная: «У отца и у матери моей бывала всегда алады да масляные блины горячие и пироги хорошие» (сп. З). Как же объясняет «история» теперешнюю его бедность? Наиболее отчетливо причины обеднения изложены в списке XVII в.: «От сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажа, от лъстивых наговор хотят меня с ног свести... Цел бы был дом мой, да богатые зглотали, а родственники розграбили». Произошло это потому, объясняет текст, что «один я молодец после отца и матери своей остался млад, а сродичи животы отца моего рознесли» (А). В других более поздних списках эта яркая бытовая картина бледнеет, теряя наиболее выразительные детали. Еще в сп. П сохраняется воспоминание о том, что «имение» отняли у наследника «лихие люди»; но уже в сп. З разорение его объясняется трафаретно: «я и то все пропил и промотал», а в сп. В объяснение вообще отсутствует, заменяясь общей фразой: «да мне тем не велел бог владеть»; так же мотивируется и то, что бедняк бродит по чужой стороне»: «Цел был дом мой, да не велел бог жить в нем» (II), «да не велел бог мне строить» (B), «да не велел бог мне жить за скудостью моею» (З).

Пропустив картину ограбления малолетнего наследника родственниками и соседями, поздние списки лишь глухо говорят о жадности должников: «Ферези были у меня самые добрые рогозиные, а завяски мочалные, да

¹ Это обстоятельство затрудняет подведение всех вариантов к какому-либо из списков, принятому за основной, а потому в приложении помещаю две разновидности текстов азбуки — II, З (последний с вариантами).

и то люди за долг взяли» (П, А, З; в В — «да и те должники за долг сняли»); «хоронился я от должников своих, да не ухоронился» (П), сп. З добавляет: «долгу с меня просят, а мне взять негде», «куды мне детца от лихих должников» (В). Настоящее безвыходное положение бедняка все тексты рисуют одинаково, расходясь лишь в мелких деталях, поэтому начало «азбуки», недостающее в старшем списке А, может быть восстановлено на основании согласных чтений остальных вариантов. От всего родигельского наследства, как читаем в полных текстах, осталась «земля пуста»: «Земля моя пуста; и травую вся обросла, полоть мне нечим и сеять нечево, притом же и хлеба нет» (З); «земля моя дворовая пуста, и былием поросла, своя земли лишиться, чужую землю познать» (В); «земля моя пуста, мохом и травую поросла, пахать мне не на чем и сеять нечем» (Ш); «земля моя пуста, лесом поросла, посеет нечево, пахать стало не на чем, клячи нет» (П). Живет этот бедняк «на Москве» (З, В, П). Кроме этого общего указания, в сп. П сохранилась деталь, появление которой у автора не-москвича невозможно: рассказывая о своей жене Соломиде, герой говорит, что она «просилась ко всем святым на Кулишки богу молится»: Кулишки — часть города в Москве, где была церковь всех святых (С. Соловьев. История России, т. II, СПб., 1894, стр. 2108) и богадельня, потому, возможно, автор направляет именно туда жену «голового человека».

Итак в Москве у родителей «голового» была земля и дворовая и пахотная, которая теперь запустела. Эта ситуация ведет нас к XVII в., когда даже в городах многие посадские люди занимались единственно обработкой земли.¹ В XVII в. были нередки случаи, когда обедневшие посадские люди переставали платить тягло и уходили со своей земли. В документах, связанных с такими уходами, постоянно употребляется термин «место пусто» — ср. в нашей азбуке: «земля пуста». Если мы вчитаемся в эти документы, то увидим, что в них есть материал, напоминающий биографию героя азбуки. «Федька Иванов сын Зобов», малолетним оставшийся после отца, жалуется, что брат «збил его со двора»; вдова посадского человека жалуется, что после смерти мужа «дворовую и огородную землю отняли у нее посадские люди»; еще один жалобщик пишет, что он «скитаецца меж двор», так как ямской приказчик несправедливо «сажал в железа и вымучил на него запись житейскую да кабалу в десяти рублех». Даже терминология этих документов о посадских людях, которые по тем или иным причинам обеднели и сошли с посада, напоминает нашу азбуку. Есть постоянная формула, обозначающая

¹ Н. Калачов. Очерк юридического быта великорусских крестьян в XVII в. Лет. зан. археогр. ком. за 1864 г., вып. 3, стр. 5.

их бездомную жизнь: «скитались меж двор», «бродил меж двор», «сходил меж двор», «скитаецца меж двор»¹ — ср. в азбуке: «Шатаюсь я молодец на чуждей стране меж двор» (А).

Таким образом то, что старший список азбуки о голом рассказывает о «насильстве от богатых», о «продаже от ябедников», о «мужике», который «мыслил зло» на наследника (А), о «богатом мужике», которого он всегда поминает (З), — ведет нас к реальным условиям жизни посадского населения, во второй половине XVII в. по преимуществу. В многочисленных жалобах, раздававшихся в это время на злоупотребления со стороны посадских богатеев, мы встретим ту же фразеологию. В приказе 1663 г. нижегородскому воеводе из Москвы пишут: «беречь, чтобы в Нижнем Новгороде посадские земские старосты и цаловальники и денежные сборщики и мужики богатые и горланы мелким людям обид и насильств и продажи ни в чем не чинили...» (М. Покровский. Русск. история, т. II, стр. 245). В грамоте 1644 г. Михаила Федоровича ростовскому воеводе приказывается, чтобы он посадских «ото всяких напрасных продаж оберегал... и сам... никакого насильства и продажи не чинил» (А. Титов, назв. соч., стр. 92). И документы, упомянутые нами, и история о голом являются отголоском той борьбы между «лучшими», т. е. имущественно наиболее сильными, и «меньшими» людьми, которая шла в течение XVII в. в посадах всего Московского государства, не исключая и самой Москвы. Эта борьба велась главным образом из-за распределения тягла, и в ней «лучшие» не брезговали никакими средствами для того, чтобы сложить с себя налоговую тяжесть. Возможно, что с помощью непосильных налогов «богатые зглотали» и наследство нашего героя. Во всяком случае противоречие интересов «лучших» и «меньших» людей в посаде отразилось, несомненно, в нашей истории в противопоставлении «богатых» и «голенких». Во всех списках азбуки говорится о богатых с горечью и даже угрозой: «Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе денги копят» (А); «Охнул бы у меня мужик (в сп. З. «богатый мужик»), как бы я ево дубиною по спине ожег, чтоб впред бы на меня зла не мыслил» (А); «Люди вижу, что богато живут, а нам голым ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут» (З); «Икнетца (по) мне богатому мужику, то я ево всегда поминаю, а он тово не знает» (З); «Есть в людях много

¹ Н. П. Сильванский. Акты о посадских людях закладчиках. Лет. зан. археогр. ком. за 1909 г., вып. XXII, СПб., 1910, стр. 14, 18, 19, 24, 28, 34, 36, 39, 40, 44 и т. д. То же см. в документах 1644 и 1674 гг.— А. А. Титов. Описание слав. и рус. рукописей, принадл. И. А. Вахрамееву, вып. IV, Серг. пос., 1897, стр. 28—87.

добра, да без закладу не верят» (В); «Люди богаты живут, а нас голенишек не слушают» (П). В этих словах слышен уже не индивидуальный протест обездоленного наследника, а ясное сознание имущественного неравенства, которое в XVII в. наблюдалось не только между различными классами, но, как мы видели, и внутри одного и того же класса.

Найти управу на «лучших» людей, оградить себя от их произвола было в ту пору очень нелегко, отсюда безнадежный пессимизм истории о голом: «На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять» (З); «Разум мой ничего не осяжет, и сердце мое никогда не обрящет» (там же); «Ум мой не доидет, как мне бедному будет впредь жить» (В). Герой наш не видит для себя другого выхода, как уйти «воровать, так скорее меня повесят», печально заключает он. И здесь несомненный отголосок быта именно второй половины XVII в.: самое слово «воровать» употреблено в том старом смысле, в каком оно закреплено и Уложением Алексея Михайловича, т. е. в значении всякого вообще нарушения законов, всякого преступления.¹ Слово «вор» с его производными в XVII в. было излюбленным бранным эпитетом для законопреступников. В 1671 г. воевода воронежский Бухвостов доносит в Москву о своей агитации против Степана Разина; он велел «привести к вере» воронежцев на том, чтоб «ни на какие воровские прелести вора Стеньки Разина с товарищи не прельщатца и никаким ево воровским письмам ни в чем не верить и к воровству и к измене и ни х какой шатости не пристовать, а будет хто в ком проведает какую воровскую мысль...»² и т. д. В XVII в. неудачники, подробные герою азбуки, уходили иногда к таким «ворам» — правонарушителям вообще, а не только похитителям чужой собственности.

К XVII же веку ведут нас старые названия одежды, употребленные в азбуке, — ферязь, однорядка,³ причем последняя шьется из сукна с «королки», как носили в среднем городском классе.⁴ Одна деталь старшего списка азбуки о голом дает возможность, кажется, уточнить несколько датировку этого памятника: под буквой Я мы читаем здесь: «Ял бы я молодец рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоимет» (А). Мыт, как один из видов

¹ Материалы для старинной юридической терминологии. Лет. зан. археогр. ком., в. I, 1861, СПб., 1862, стр. 73—74.

² Воронежский губ. музей. Рукописи и воронежские акты, вып. II, Воронеж, 1905, стр. 108.

³ Ферязь и однорядка известны по памятникам уже в XVI в. См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письм. памятникам, т. II, СПб., 1898, стр. 619, и т. III, СПб., 1912, стр. 1354.

⁴ Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорус. народа в XVI и XVII ст., СПб., 1877, стр. 93—95.

многочисленных пошлин, существовавших в московской Руси, был отменен новым торговым уставом 1667 г.¹ В списках XVIII в. эта фраза, видимо, как непонятная, опускается.

Стилистическая манера азбуки о голом также ведет нас к памятникам нарождающейся во второй половине XVII в. сатирической литературы. Ритмическая проза, которой написана азбука, напоминает пословичную рифмованную речь тех сборников пословиц, какие именно с этого времени получают распространение. Книжных элементов в языке азбуки очень мало: то просторечие, которое составляет основу ее языка, скорее напоминает язык других известных нам от этой эпохи литературных памятников, вроде «Повести о поле Савве», «Калязинской челобитной», «Повести о ерше» и других, а также отчасти язык челобитных, идущих от посадского населения и родственных иногда нашей азбуке и по содержанию.

Алфавитный порядок изложения, видимо, сразу сблизил в сознании автора и последующих переписчиков азбуку о голом с пословицами. Отсюда в основной текст вошла фраза, повторяющаяся с небольшими отличиями во всех списках, и восходящая, видимо, к пословице «на что было ему и сулить, коли самому негде взять» (З), «на что б сулит, коли нечево дать» (П), «на что бы сулить, коли чего не дать» (Ш) — ср. пословицу, известную в записи XVII в.: «На што было лгать, коли нечево дать».² Или в сп. З и В под буквой Ъ читаем: «Ехал бы в гости, да не на чем, да никуды не зовут», «Ехал бы в гости да никуды не зовут»; вар. в сп. П под буквой Ш: «Шел бы я в гости, да никто меня не зовет» — ср. пословицу: «Ехал бы в гости, да никто не зовет».³ Или в сп. В: «Сшил бы к празнику однорядку с королки да животы та у меня коротки»; вар. в сп. З, несколько расширенный: «Шел бы я в город, и купил бы себе сукна и сшил бы шубу с королки, да тем лиц, што животы та у меня коротки» — ср. пословицу: «Носил бы однорядку с королки, да животы коротки» (Симони, I, № 1789) или «Зделал бы однорядку с королки да животы коротки» (сб. Петр. гал., № 315).

Кроме этих пословиц, бывших, видимо, известными уже автору «Азбуки о голом», в процессе переписки в нее вошли и другие пословицы, не имеющие связи с текстом и присоединенные чисто механически. Таким образом случайно в сп. В под буквой К вставлена пословица «Какова пряха,

¹ С. Соловьев. История России, кн. III, СПб., 1894, стр. 724.

² П. Симони. Старинные сборники русских пословиц... СПб., 1899, I, № 1653; II, № 398; сборник пословиц собр. б. Петровск. галереи Библиот. АН № 629.

³ Симони, назв. соч. II, № 758.

такова на ней и рубаха» (ср. Симони I, № 1333); в том же сп. Весь конец азбуки заменен приписанными пословицами, большая часть которых известна в записях XVII в., а две дошли в более поздних сборниках. Весь этот материал прикинул к истории о голом не путем сознательной переработки текста, а исключительно по связи чисто внешней. Такое обращение со старым текстом, на ряду с указанной выше заменой некоторых деталей более общими формулировками, показывает, что в XVIII в. он уже потерял значительную долю прежнего интереса. Те конкретные условия жизни посадского населения второй половины XVII в., которые вызвали появление «Азбуки о голом», для городского класса XVIII в. уже позабылись, но основной мотив этой «истории» — резкое противоречие между «богатыми» и «голенькими» — был попрежнему животрепещущим и в новых условиях городского быта; оттого так прочно держится в списках XVIII в. все, что касается именно этой темы.

Помимо своего содержания, ведущего нас в самую гущу внутриклассовой борьбы в посадском населении Московского государства второй половины XVII в., «Азбука о голом и небогатом человеке» интересна и для изучения процесса преодоления в литературном языке той эпохи его церковно-славянской основы. Чрезвычайно характерный ее язык очень далек от модного во второй половине XVII в. литературного языка, созданного писателями из высшего духовенства и дворянства. Этот язык отражает бытовое просторечие посадских и младших служилых людей. Через литературу, созданную в этой среде, оно проникает в книжный обиход, вытесняя старую славянскую речь из обширной области памятников, рисующих повседневный быт. Вместе с писателями-старообрядцами авторы сатирических произведений второй половины XVII в. энергично «демократизируют» литературный язык, приближая его к пониманию широких масс населения, чуждых старой традиции книжной речи. XVIII век в так наз. массовой литературе поведет дальше развитие этого «классового стиля», корни которого, как мы видели, лежат в мало известной до сих пор сатирической литературе второй половины XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Текст по рукописи собр. Забелина (Гос. историч. муз.) № 536 (855), XVIII в. с вар. по рукописи собр. Вахрамеева № 704, XVIII в.

¹ИСТОРИЯ О ГОЛОМ ПО АЛФАБЕТУ.³

- а. Аз есмь голоден и холоден и наг и бос, ³и всем своим богатством недостаточен.⁴
- б. Бог животы мой ведает, что у меня нет ⁵ни полушки.⁶
- в. Ведет весь мир, что мне ⁷ни пигь, ни есть нечево и⁸ взять негде.
- г. Говорил ⁹было¹⁰ мне ¹¹доброй человек и посулил было он мне займы денег, и я по приказу ево к нему пришел, и он мне изволил отказать.¹²
- д. ¹³Доброй бы он был человек, ежели бы он слово свое не переменил, когда бы дал мне денег займы, а толко лиш он мне насмеялся, на что было ему и сулить, коли самому негде взять.¹⁴
- е. Есть ¹⁵у людей всево много денег и платья, толко мне не дают.¹⁶
- ж. Живу я на Москве, ¹⁷поесть мне нечево и купить не на што, а даром не дают.¹⁸
- з. Севается ¹⁹у меня ротом²⁰ весь день ²¹не етчи,²² и губы у меня помертвели.²³
- и. Земля моя ²⁴пуста и²⁵ травую вся обросла, полоть мне нечим и сеять нечево, при том же и хлеба нег.²⁶
- к. ²⁷И так с недостатку стало у меня брюхо расти.²⁸
- л. ²⁹И хочетца мне жить, как и добрыя люди живут, толко меня нагота и босота очень одолела, что и с ног долой свалило, и живот мой весь истощился, ходя по чужим сторонам.³⁰
- м. ³¹Как мне во своей скудости жить, а в руках у меня ничево нет.³²

1-2 Азбуковник. В. 3-4 *проп.* В. 5-6 ничево В. 7-8 *проп.* В.
 9-10 *проп.* В. 11-12 на Москве, хотел мне взаем денег дать, да я на утро пришел, а он мне взять кладу и не дал В. 13-14 Добро з добрыми людьми знатся, да было бы чем В. 15-16 в людях много добра. да без закладу не верят В. 17-18 и мне от часу хуже есть В. 19-20 мне бедному В. 21 *доб.* ходя В. 22-23 *проп.* В.
 24 *доб.* дворовая В. 25-26 и былшем поросла, своя земля лишится, чужую землю познать, и мне ходя под окны поминая, ниць есть и убог, заблудышая овца В.
 27-28 И живот мой истощал по чужим дворам волочась, и хочетца мне бедному з добрыми людьми знатца да нечем В. 29-30 Ичотца мне бедному, вечер я не уживал В.
 31-32 Какова пряха, такова на ней и рубаха В.

- л. Люди ¹вижу, что богато ²живут, а ³нам голым ничево не дают, чорт знает их, куда и на што денги берегут.⁴
- м. Мысляю бы я ⁵своею всего у себя много видел, да лих мне того взять негде.⁶
- н. ⁷На што живот мой меня позорит, не лутче ль живота смерть мне принять..⁸
- о. Ох мне бедному, ох окаянному, куды мне детца от лихих людей.
- п. Покою себе не ⁹обретаю, лапти и сапаги завсегда разбиваю, а добра себе не наживаю.¹⁰
- р. Разум мой ничего не осяжет, ¹¹и сердце мое никогда не обрящет.¹²
- с. ¹³Стыдно мне з богатыми людми в пире сидеть, на них платье цветное и хорошее, а на мне худое и то чужое.¹⁴
- т. Тверд ¹⁵был ум¹⁶ мой, ¹⁷да лих на сердце у меня много всякой мысли.¹⁸
- ¹⁹У. Икнетца мне богатому мужику, то я ево всегда поминаю, а он тово не знает.²⁰
- у. ²¹У отца и у матери моей бывала всегда алады да масляныя блины горячие и пироги хорошия.²²
- ф. Феризы были у меня ²³хорошия²⁴ рагоженныя, ²⁵а завяски были долгиа мачалныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили.²⁶
- х. ²⁷Хоронился была я от должников да лих не ухоронился, долгу с меня просят, а мне взять негде.²⁸
- Ц ²⁹Отец мой оставил мне имение ³⁰свое, я и то все пропил и промотал.³¹
- ц. Целой был дом ³²мой,³³ да не велел бог мне ³⁴жить за скудостию моею.³⁵
- ч. Чужова ³⁶было мне не ³⁷хотелось, а своего не случилось, ³⁸тепереча не знаю, как промышлять, не лутче ли итти воровать, так скорей меня повесят.³⁹
- ш. ⁴⁰Шел бы я в город и купил бы себе сукна и ⁴¹спил бы⁴² шубу ⁴³с королки да ⁴⁴тем лиш, што⁴⁵ животы та у меня коротки.

1-2 что и люди В. 3-4 а я от нищеты не знаю, как быть В. 5-6 много сделал, да не то на ум идет В. 7-8 Нагота да босота то моя красота В. 9-10 видел, в своей бедности волочась В. 11-12 ум мой не доидет, как мне бедному впредь будет жить В. 13-14 свои на мя востапа и меня отселе отгнаша В. 15-16 живот В. 17-18 а сердце с печали пропало В. 19-20 проп. В. 21-22 Увы мне бедному, увы окаянному и недостойному, куды мне детца от лихих должников В. 23-24 добры В. 25-26 да и те должники за долг сняли В. 27-28 Хотелось было жить, как добрые люди живут, да бедность мешает В. 29 доб. и мати В. 30-31 много, да мне тем не велел бог владеть В. 32-33 и полата В. 34-35 строить В. 36-37 живота В. 38-39 проп. В. 40-41 проп. В. 42-43 к празнику однорятку В. 44-45 проп. В.

- щ. ¹Щеголять бы я стал хорошенко и ходил бы я щепетенько, да лих нечим.²
- ъ. Ерзнул ³бы за волком с сабаками да не на чем, а бежать не смогу.⁴
- ы. Ерыщета ⁵у меня по брюху, потому что не ел, да и насила хожу.⁶
- ѣ. Ъхал бы в гости, ⁷да не на чем,⁸ да никуды не зовут.
- ь. Ел бы я мясо, да лих в зубах вязнет, ⁹а притом же и негде взять.¹⁰
- ѵ. ¹¹Псы на милова не лают, а постылова давно уже и кусают, да из двора ево волокут.
- ѳ. Фома поп глуп, он сам грехов не знает, а добрым людям не скажет, да еще ему и спасибо, что он меньше знает да больше молчит.
- ѵ. V тако сим словам конец.¹²

II

Рукописн. сборник собр. В. Н. Перетца, Q. № 77, конца XVIII в., лл. 8 об. — 9 об.

СКАЗАНИЕ О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ

- А. Аз есмь наг и бос, холоден и голоден, всем недостаточен.
- Б. Бог мою душу видит, что взять мне негде, а люди не дают.
- В. Видел я в Новеграде доброго человека, да постыдился просить.
- Г. Говорил мне на Москве человек доброй, посулил мне денег взаем, да не дал.
- Д. Доброй он человек был, он бы слова своего не перемпнил, а правду он творил, на что б сулит, коли нечево дать.
- Е. Есть в людех всего много, да мне не дают.
- Ж. Живу я человек доброй и славной, а покушать мне нечево, и никто не дает.
- З. Севається мне с великих недоедков, и губы мои пересмягли.
- З. Земля моя пуста, лесом поросла, посеять нечево, пахать стало не на чем, клячи нет.
- И. И живот мой истощал по чужим сторонам.
- І. І хочется мне так же пожить, как добрые люди живут, да виликые мои недостатки, а нагота и босота с ног свалила, а взять негде.

1—2 Щапил бы и ходил хорошенко, да не в чем В. 3—4 по лавке и в старой одно-
рядке В. 5—6 мне бедному по брюху, вечер я не ужинал В. 7—8 проп. В.
9—10 проп. В. 10 доб. ю. Юря за бабу, а Лука за быка. Зс. Юсом меня зовут, а дел моих
не ведают. ѳ. Одолила дворянина печаль да кручина. я. Якиму дают схиму, а он и мантию
скинул. кс. К Симану по тимау, к Ипату по мяту. В. 11—12 Пса бы я держал на злаго
человека, да того для не держу, хлеба нет, и самому есть нечево. е. Филимон поди вон, а ты
Ватуга сиди тут. в. Ъжица к рубахе близится. В.

- К. Как мне в своих недостатках жить будет.
- Л. Люди богаты живут, а нас голенких не слушают.
- М. Мыслию бы своею все б у себя видел, да негде взять нечего.
- Н. На что же живот мой позорен бысть, лутче бы смерть принял, нежели уродом ходил.
- О. О горе мне убогому, люди пьют и едят, а мне не дают.
- П. Покою себе не обретаю, а лаптишка разбиваю, а добра себе не залезу.
- Р. Разум мой не осяжет и живот мой не обрящет, все на меня встают, хотят меня вдруг погрузити, бог меня не выдасть, то и человек не погубит.
- С. Страшно мне убогому з богатыми в пиру сидеть, на них платя цветная, а на мне балохонишко и то в полденги.
- Т. Тверд живот мой с великие кручины и бедности, а хожу я не етчи, спать ложуся не кушавши, а никто не подаеть.
- Ѹ. Ѹныя я пред богом своим.
- У. Увы мне бедному и беспомощному, где мне ото многих лихих людей деватися.
- Ф. Феризи были у меня самые добрые рогазиные, а завяски мочалные, да и то люди за долг взяли.
- Х. Хоронился я от должников своих да не ухоронился.
- Ѧ. Отец мой и мати моя оставили мне имение свое, да лихие люди завладали.
- Ц. Цел был дом мой, да не велел бог жить в нем.
- Ч. Чюжево не хотелось, а своего не лучилось, как будет прошать.
- Ш. Шел бы я в гости, да никто меня не зовет.
- Щ. Щеголил частенко, да нарядился б хорошенко, да не во что.
- Ъ. Ерзнул бы по лавки в старон однорятки.
- Ы. Ерыкается мне по брюху с великих недоетков, и губы пересмягли, и ноги мои подгибаются.
- Ь. Ехал бы в город, да украл бы суконца, да денех нет, а так не верят.
- Ѣ. Ехал бы на пир, да не примолвят, не поднесут.
- Ю. Юрил бы да играл, да не етчи не хочется, а жилы мои потресаются.
- Ѡ. Обмылся бы я беленко, нарядился хорошенко, да не во что.
- Ѡ. Я коли был богат, и тогда голенких ворами нарекал, а до сего дни и сам в ту славу попал.
- Ѥ. К сея бедности не умеют добрые люди пристать.
- Ѧ. Пси немилостиво лают на нас на голенких, а постылого кусают, из дверей волокут.
- Ѧ. Ѧома поп глун, сам грехов не знает, а людем не роскажет.

V. И жил я с женою своею Соломидою любезно и советно, и она по такой любви просилась у меня ко всем святым на Кулишки богу молится, и я по такому совету и любви ея отпустил богу молится, и она от меня пошла, с моего двора сошла, а туда не дошла, а домой не пришла, и я по такому совету и любви ея пошел искать, еи не нашел, а сам и двора отстал по чюжей стороне волочусь. Конец и венец и радобыниц тут.

IV. «Калязинская челобитная»

«Калязинская челобитная» — памятник, интересный и с точки зрения отражения в нем быта и правов Московского государства накануне петровской реформы, и с точки зрения чисто литературной, как один из образцов широко развертывающегося во второй половине XVII в. пародирования старых литературных форм.

Еще в 1873 г. «Калязинская челобитная» была издана по одному из старших списков (Ундольского № 1073), правда с ошибками и пропусками, и кратко прокомментирована. Издатель¹ заинтересовался челобитной только как «памятником древнерусского монастырского быта». Приведя исторические справки об упоминаемых в «Калязинской челобитной» лицах, издатель замечает: «Если эти лица не подставные, то она писана в 70-х годах XVII ст. Челобитная приносится от имени крылошан, очевидно потому, что крылошане (певчие) исстари пользовались в наших монастырях разного рода льготами, а потому позволяли себе и отступления от монастырского устава больше, чем другие иноки, как это продолжается и до нашего времени». Издатель замечает, к сожалению без ссылки на документы, что «впоследствии Калязинский монастырь получил невыгодную репутацию по распущенности своих обитателей, так что в этом отношении дал даже материал для народных песен».

Эта характеристика среды, в которой якобы возникла «Калязинская челобитная», мало соответствует исторической действительности XVII в. Как показывают сохранившиеся документы, «отступления от монастырского устава» допускали в это время больше не крылошане, а как раз те, кому надлежало особенно усердно блюсти этот устав — хозяйственно-административная верхушка монастыря. Мы увидим ниже, что в жалобах на бесчинства в монастырях фигурируют обычно архимандрит, игумен, старец-

¹ Л. П. Два памятника древнерусского монастырского быта XVII в. Русск. архив, 1878, № 9, стр. 1771—1773, 1776—1778.

казначей, строители. Они расхищали монастырскую казну и зачастую пропивали ее, доводя монастыри до полного запустения, а не монашеская масса, не имевшая прямого доступа к монастырскому имуществу. Таким образом вопрос о том, какие явления монастырского быта разоблачает «Калязинская челобитная», не решается заметкой издателя ее рукописного текста. Равным образом остался в стороне и вопрос об авторе такой едкой сатиры: он не может быть решен без анализа литературной формы челобитной, без учета ее специфических стилевых особенностей.

Трудно согласиться также и с категорическим утверждением Д. Ровинского,¹ обратившего внимание на лубочное издание «Калязинской челобитной»: «Наша картинка была пущена в народ в то время, когда Екатерина II только что составила свой план об отобрании у монастырей недвижимых имений, и, без сомнения, с высочайшего соизволения, без которого издатели картинки в виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвинению не только в кощунстве, но и в богохульстве». Но борьба у властей шла в этом деле не с монастырскими низами, пьянство которых рисует «Калязинская челобитная», а с высшими иерархами; поэтому как предварительное агитационное средство вряд ли эта картинка была необходимой. Во всяком случае вопрос о причинах появления лубочного издания требует более внимательного рассмотрения.

Таким образом при наличии двух изданий — рукописного текста и лубочного — «Калязинской челобитной» вопрос о ее происхождении и дальнейшей судьбе нельзя считать решенным двумя указанными статьями. Необходимо, с одной стороны, расширить исторический комментарий и заново поставить вопрос об авторе сатиры, с другой стороны — охарактеризовать ее, как памятник словесного искусства, отведя ему соответствующее место в ряду других пародийных произведений второй половины XVII в.

Рукописных текстов «Калязинской челобитной» сохранилось немало: ее можно найти даже в сборниках полужурнального характера среди образцов разного рода писем «кому и как писать». Большинство текстов падает на XVIII в., но все же есть два списка конца XVII — начала XVIII в., т. е. близких по времени к созданию самого памятника.

1. Библ. им. Ленина, собр. Ундольского № 1073, конца XVII — начала XVIII в., лл. 9—19 об. «Список с челобитной колязина монастыря». Нач.: «Великому господину преосвященному Симеону...»

¹ Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 405 и т. IV, стр. 285.

2. Библ. им. Ленина (Моск. публ. и Румянц. муз.), № 2432, первой половины XVIII в., лл. 1—7. «Список с челобитные какова подана во рпе году калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила въ его неисправном житии слово в слово, преосвященному Симеону архиепископу тверскому и кашинскому». Нач.: «Великому господину...»

3. Библ. им. Ленина, собр. Тихонравова № 472, конца XVII — начала XVIII в., лл. 139—141. Совпадает с Унд. 1073, как и сл. N.

4. Библ. им. Ленина, собр. Тихонравова № 486, XVIII в., лл. 95—98.

5. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, собр. Буслаева О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 266—272 об., текст без начала: «сколотовок избили. Да он же архимандрит приказал старцу Иору...»

6. Гос. публ. библ., собр. Толстого V. 62 (О. XVII. 17) с записью 1768 г., полов. XVIII в., лл. 35 об. — 38. «Копия с челобитной крылашен Колязина монастыря». Нач.: «Великому господину...»

7. Гос. публ. библ. Q. XVII. 4, XVIII в. лл. 35—37. Челобитная Колязина монастыря Нач.: «Великому господину...»

8. Гос. историч. музея, собр. Забелина № 536, XVIII в., лл. 14—17 об.

9. Там же, лл. 55—57. Оба текста совпадают с Унд. 1073.

10. Гос. истор. музея, собр. Барсова № 2411, 1792 г.

11. Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР 16. 4. 39. XVIII в., с записью 1744 г. «Сказание А Калязинской челобитной». Нач.: «Великому господину преосвященному Симеону архиепископу...» в тетрадошке, вырванной, видимо, из какого-то сборника, так как на листе 2 новой нумерации сохранилась помета старой нумерации — 29; занимает лл. 2—6 об.

12. Собр. Мазурина (б. Архив минист. иностр. дел) № 755, XVIII в., лл. 15—18. «Челобитная колязина монастыря какова подана в 7185 (1677) м году». Нач.: «Великому господину преосвященному Симеону...»

13. Собр. В. Н. Перетца Q. 77, второй половины XVIII в., лл. 5 об.—7. «Челобитна калязина монастыря на архимандрита Гавриила». Нач.: «Государю преосвященному Симеону архиепископу тверскому...»

14. Лубочный текст: нач.: «Преосвященному Симеону архиепископу тверскому...» изд. Д. Ровинский, Рус. народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 406—409.

Текст «Калязинской челобитной» в рукописях мало меняется: небольшие пропуски и сокращения совершенно не меняют характера памя-

ника — и идеологически и стилистически он сохраняет в общем свой первоначальный вид. Таким образом, говорить о сознательной редакторской работе над ним не приходится. Тема и в XVIII в., как увидим, была достаточно актуальна, и никаких оснований изменять картину, нарисованную автором XVII в., не было. Все списки согласно изображают монастырскую жизнь под управлением архимандрита Гавриила одинаково. Приехав в Колязин монастырь, он «почал монастырской чин разарять, старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не задустил, некому стало впредь заводу заводить, чтоб пива наворить да медом подсыттить, а на денги вина прикупить». Какими мерами он «разорял монастырский чин?» Челобитная обстоятельно описывает это, изображая в виде преступления возобновление обычаев монастырского устава: «плутам панамарям» он велел с утра «в колокола звонить, в доски колатить», старцу Уару «подле келей з дубиною ходить, в келейныя двери калатить, нашу братью будить, велит нам скоро в церковь ходить и нас богомолцев твоих томить». По его приказу «кривой Фалалей» «за ворота не пускает», на скотном дворе «коровницам благословения подать». Архимандрит «казны не бережет, ладану и свеч много жжет, церковь запылил, кадилы закаптил, а нам богомолцем твоим выела очи, засадила горлы». Но, не довольствуясь восстановлением общего порядка поведения в монастыре, архимандрит строго наказывает послушников: «нашей братья в праздники и в будни на шеи большия чеши кладет, да об нас же ботоги приломал». Когда монахи свили из удивившейся хорошо пеньки толстые веревки, чтобы из «погреба бочки с пивом волочить», архимандрит велел их «на кароткия палки везать», «шелепами называть», «а на нас богомолцев твоих тяжело опускать». В великий пост он «завел вновь чин земляныя поклонны», кормит их «репой пареной да ретькой вяленой», «во братины квас наливают». Сам он «хлеб сухой жует, мед весь перекис, а он воду пьет».

Параллельно этой картине идет описание привычного для монахов образа жизни. Когда звонят в церковь, они «без порток в одних свитках» в келиях сидят, «не поспеть им ночью в девять ковшей келейного правила исправить», «по нашему уставу с утра бы рано до дни часа за три в чесноковники звонить, а за блюдом над старыми остатки часы говарить, а блаженны в ведрах нада вчерашним пивом поем, на шесть ковшей «слава и ныне говарить», а к свету на печь и спать ляжем». По этому же уставу «для постных дней» следовало подавать «везига бы да икра, белая рыба телное, да две паровые тешки во шнях, да ушка стерляжья» и т. д., идет длинный перечень лакомых постных блюд, за которыми вместо квасу сле-

дует «пиво мартовское подделное». «До полночи» они трудятся «у пивного ведра», «поутру всгать» не могут, «где клобук с мантией», того не помнят.

Монахам рисуется раздолье, которое наступило бы, если бы по их просьбе убрали непокорного архимандрита: «А в онбарах просто же прибавим: рожь да ячмень в солод гзрестим, да пива наварим, овсяные брашки поставим, а на денги вина прикупим... прикажем колокола отвезать, велим в Кашии сослать и на вино променять... ладану да свеч не станем жечь, ... ризы да книги в сушило вынесем, церковь замкнем». Если же архимандрита не уберут, то монахи угрожают — «в руки возьмем посошки, да ступим по дорошки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем». «Добрый архимандрит» рисуется этим обиженным пьяницам таким, который «с нами горазд лежа вино да пива пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить».

Отдельные детали этих двух параллельных картин некоторыми списками пропускаются, так как среди них немало повторений. Но эти пропуски нисколько не изменяют общей физиономии памятника. В лубочном издании как будто улавливается некоторая тенденция — пропустить то, что относится к изображению монахами «доброго архимандрита»: их обращение к Гавриилу, чтобы он «почащей пива варил, да нашу братью до пьяна поил, а в церковь бы пореже ходил», угроза уйти в другой монастырь, если порядки не переменятся. Может быть издатель избегал намеков на то, что подобный архимандрит вообще возможен? Если действительно этот пропуск не случаен, то издатель, вероятно, хотел ограничить сатиру и отвести ее совершенно от представителей старшего монашеского чина. Но противопоставление обычной распущенной монастырской жизни строгим уставным порядкам сохраняется полностью и в лубочном тексте, так же как сохраняется в нем и вся стилистическая окраска. Поэтому комментировать тему «Калязинской челобитной» и ее стилистическое оформление можно применительно ко всем ее текстам — и рукописным и лубочным.

В виду такой устойчивости текста история «Калязинской челобитной» сводится к вопросам: почему она появилась, почему для читателя XVIII в. сохраняла свою актуальность, и почему, наконец, не взирая на цензурные строгости, она была пропущена в лубочные издания, гораздо более доступные широким читательским массам, чем рукописные сборники.

Калязин монастырь уже в XVI в. не пользовался особым почетом:¹

¹ Вассиан Косой так отзывался о его основателе Макарии Калязинском: «Господи, что ся за чудотворцы? сказывают, в Калязине Макар чудеса творит, а мужик был сельской». — В. Жмакин. Митр. Даниил и его сочинения, М., 1881, стр. 216.

Упомянутый в челобитной Симеон, архиепископ тверской и кашинский, бывший архимандрит Юрьева монастыря, известен как архиепископ с 16 апреля 1676 г. до июля 1681 г.¹ В те же годы управлял Калязинским монастырем архимандрит Гавриил.² Таким образом упомянутый в заглавии «Калязинской челобитной» в списках Мазурина № 755 и Библ. им. Ленина № 2432 — 7185 (1677) год, повидимому, существовал в заглавии оригинала ее: указание этих списков, что именно в 1677 г. была подана челобитная на архимандрита Гавриила, не противоречит обращению ее к архиепископу Симеону. Можно ли считать этот год действительным годом составления самого памятника? Думаю, что он во всяком случае очень близок к настоящей дате. И Симеон и Гавриил одновременно потеряли свою непосредственную связь с Калязинским монастырем в 1681 г., поэтому назвать их рядом и притом верно пометить 1677 год мог только человек, близкий ко времени, когда оба эти лица управляли монастырем. Наличие списков конца XVII в. показывает, что нет оснований считать этих лиц «подставными», как скептически заметил первый издатель Калязинской челобитной. Автор ее помнит события середины XVII в.: иронически говоря о большой казне Калязина монастыря, он вспоминает «мор старых лет» — видимо, моровую язву 1654 г., особенно памятную Калязину монастырю тем, что в это время там жила царская семья (см. Д. Ровинский, IV, стр. 282). Даже при самой осторожной датировке, мы должны признать, что «Калязинская челобитная» появилась в последней четверти XVII в. — не раньше 1676 г. и не позже конца века, к которому относятся старшие списки.

К сожалению, мы не имеем никаких сведений о лицах, упомянутых в челобитной, кроме указания на время их деятельности в Калязине монастыре. Соответствует ли действительности образ архимандрита Гавриила, ревнителя строгих порядков в монастыре, каким он рисуется в челобитной, или автор, не рискуя прямо говорить о распущенности монастырского начальства, обычной в его время, намеренно переносит свое осуждение на младшую братию, этого мы сказать не можем. Никаких следов деятельности архимандрита Гавриила в Калязине монастыре не сохранилось. Но зато можно сказать прямо, что сам Калязин монастырь выбран для изображения монастырского пьянства не случайно и весьма удачно. Правда, тех

¹ Иерархи российской церкви от учреждения киевской митрополии до настоящего времени. Без года, стр. 56.

² П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви, СПб., 1877, стр. 448.

«народных песен», о которых говорил первый издатель «Калязинской челобитной», и которые будто бы были прикреплены именно к этому монастырю, мы не знаем в записях, но зато есть сведения от близкого к событиям «Калязинской челобитной» времени — от первой четверти XVIII в., которые показывают весьма невысокий нравственный уровень калязинских монахов. Между 1718 и 1725 гг. иеромонах Калязина монастыря Маркелл Поморцев доносил уglichскому воеводе о найденных им в монастыре глиняных формах для делания фальшивых бумаг.¹

Однако, тема «Калязинской челобитной» имеет интерес далеко не только местный: нравы Калязинского монастыря в отношении пьянства не были единственными в своем роде в ту эпоху. Документы конца XVII в. раскрывают перед нами картину полного разложения монастырской жизни, и эта картина многими деталями совпадает с нарисованной в «Калязинской челобитной». Разница лишь в том, что расхищение монастырской казны и имущества, о котором мечтают калязинские монахи и которое станет для них возможным, если уберут «лихого архимандрита» и дадут им «доброе», в подлинных челобитных описывается в тех же подробностях, но производят его не «крылошане», а сама монастырская верхушка, начиная с архимандритов. Очевидно, в это время, выражаясь языком «Калязинской челобитной», было больше «доброе», чем «лихого» монастырского начальства. Эта историческая действительность, отраженная в документах, и наводит на догадку, не замаскировал ли автор нашей сатиры свой настоящий замысел: ограничивалось ли его намерение тем, чтобы осудить беснующих «крылошан», или он через их голову посылал упрек тем многочисленным архимандритам, игуменам, строителям и прочему монастырскому начальству, которое в это время своим «бесчинством» «запустошило» не один монастырь?

Особенно близко к «Калязинской челобитной» монастырские нравы второй половины XVII в. описаны в челобитной, поданной Стефаном Наумовым, которому по указу Алексея Михайловича «велено» было «быть у ево великого государя дела в Феропонтове монастыре». Этот надзиратель, посланный из Москвы для наблюдения над монастырским хозяйством, во всех подробностях описывает поведение игумена Афанасия и его ближайших сотоварищей по управлению монастырем. Вот что доносит Наумов: «Игумен Афанасей, покинув монастырь и братью и всех вотчинных крестьян . . . выехал из монастыря, живет того же монастыря в вотчине в селе Ситке с советники своими с казначеем старцем Авраамием да с конюшим

¹ См. рукопись собрания Вахрамеева № 703, XVIII в. — А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 494.

старцем Лаврентием и с служками... монастырь и всю монастырскую вотчину запустошили и пропили без остатку и многое время бывает церковь божия без пения... пьют и бражничают безобразно и напився пьяни дерутца до крови и в монастыре у них смертное убойство от их безчинства и безмерного пьянства чипитца... из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные деньги про них вино покупают безпрестанно. И тем они безчинством своим монастырь пропили и разорили и монастырскую вотчину всю запустошили».¹ Все эти поступки игумена Афанасия и его сотоварищей почти во всем совпадают с мечтами монахов «Калязинской челобитной» о том, как после ухода «лихого» архимандрита Гавриила они из монастырского хлеба «пива наварят, овсяные брашки поставят, а на денги вина прикупят... церковь замкнут» — ср. «церковь божия без пения» в жалобе Стефана Наумова.

Совершенно та же картина сохранилась в любопытном деле сарской и подонской митрополии «о безчинствах и неистовствах Вяземского претечева монастыря архимандрита Феодосия» в 1686—1690 гг. На этот раз челобитную подают сами монахи: «Архимандрит Феодосий всегда пьет, езда по гостям, и в своей келье. в день и в ночь» (ср. в «Калязинской челобитной» описание ночного времяпрепровождения в кельях — «круг ведра без порток в одних свитках сидим... к свету на печь и спать ляжем»), «я напився пьян нас бьет напрасно своими руками и в чепь всегда сажает безвино» (ср. в «Калязинской челобитной» — «нашей братьи в праздники и в будни на шею большия чепи кладет, да об нас же ботоги приломал и шелепы прирвал» и т. д.), и «бранит неподобными словами всячески...» «Приехав из гостей пьяной или напився в своей кельи, приход в церковь во время божественного пения стоит на своем месте немирно, на братию кричит и бранит напрасно, и спед с своего места иных бьет и тем чинит в перкви мятеж... Да он же архимандрит Феодосий посылает во Ильинский девич монастырь ко игуменье крупы гречневые и овсяные, и муку оржанюю и пшеничную, и масло конопляное и коровье, и яйца и рыбу, вино. и пиво и солод и овес и хмель почаству. И отослав и сам ездит в тот Ильинский девич монастырь ко игуменье почаству ж и приезжает после вечерни поздно и в ночном часу пьян...»² Романические похождения монахов в «Калязинской челобитной» изображены гораздо скромнее: они про-

¹ В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС Акад. Наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ., июнь 1902 г. СПб., 1904, стр. 295—297 — по рукописи Библиотеки Акад. Наук 45. 7. 155.

² А. Викторов. Описание рукописей Беляева, М., 1881, стр. 95.

сятся только в слободы «коровницам благословения подать». Хорошую параллель к угрозе монахов «Калязинской челобитной»: «в руки возьмем посошки, да ступим по дорожки в ыной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем. А когда тут допьем, в ыной монастырь пойдем, а с похмелья да с тоски да с третьей бродни да с великия кручины назад в Колязин пойдем и в житницах и в онбарех все пересмотрим» — дают челобитные монахов Вепревой пустыни на ее «строителей» 1680-х г.: «в той пустыне строители были часто переменные, пьющие, и братья была схожая и жили самовольственно не по монастырскому чину и иночеству, нили и бражничали, и церковь божия стояла у них без пения, и от того их самовольственного жительство монастырь истоцился и раззорился... да те же строители и схожая братья пропився бродили по миру с иконами и деньги собирали обманом, будто на церковное строение, и те деньги пропивали на кабацех, и от того пьянства многие строители и старцы померли».¹

Память об этом монастыре и его пьющих монахах сохранилась в народной песне, записанной в окрестностях монастыря еще в 60-х годах XIX в., — видимо, репутация его за двести лет не изменилась:

Вечор девки пивоварничали,
 Пришел к девушкам незваный гость,
 Монах с пустыни Вепревой.
 Стали девки перешептываться,
 С глазу на глаз перемигиваться,
 Чем гостя потчивать.
 Коя в щеку, коя за косу,
 Через стол тащат, волоса трещат,
 Через скамью дали тасканину,
 А по полу дали топанину.
 А по сеничкам веничком метут,
 А по двору кубарем, кубарем,
 Подворотнею борзым кобелем,
 А по улице честным иноком.²

Если XVII век дает богатый исторический материал, подтверждающий глубокую правдивость изображения монастырских нравов в «Калязинской

¹ А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 19—20.

² А. А. Титов. Успенская Вепрева пустынь, М., 1902, стр. 25. Та же песня, но без стиха «монах с пустыни Вепревой» записана во Владимирской и Костромской губ. — А. Смирнов. Песня крестьян Владимирск. и Костромск. губ., М., 1847, стр. 57.

челобитной», то и XVIII век сохранил немало сведений о тех же порядках, поэтому наличие списков «Калязинской челобитной», и в XVIII в. точно повторяющих старей текст XVII в., вполне понятно.

Монастырское пьянство и в XVIII в. было совершенно заурядным явлением, но теперь создается желание скрыть его от посторонних глаз. Так, совет монастырских старцев в 1754 г. выносит любопытное постановление по поводу уличенного в пьянстве иеромонаха: «Иеромонаха Паисия за то, что он пьяный волочился и почевал в монастырском дворе мимо монастыря, при братьи наказать плетьюми, дабы другим монахам пьянствовать и в мирские дома, где не подлежит, ходить не повадно было; а когда монах где напился, то б и шел в монастырь, а за монастырем нигде бы не почевал и не спал».¹

Сами монахи, видимо, не считали пьянство особенно большим грехом. В начале XVIII в. один монах Александро-Невской лавры был привлечен к суду за то, что пришел в церковь «в пьяном образе», и оправдывался тем, что он «был де малое число под хмель, а не совершенно пьян».²

Как жили в это время в крупных монастырях, мы достаточно знаем по историческим материалам. Как дополнение к ним, большой интерес представляют созданные в той же Александро-Невской лавре вирши «о орачах, которые в чернцах». Автор — защитник своеобразного аристократизма, который считает привольную монастырскую жизнь подходящей только для «людей честных и разумных»: в его понимании это люди, которые и в миру жили чужим трудом. Но «орач» — крестьянин не должен уходить от «рала», он «свинья неразумная», а потому все прелести монашеского быта для него окажутся искушением сатаны, и он благодаря им попадет прямо в ад, тогда как у «рала» его не наступит демон. Несмотря на свою ясно выраженную классовую физиономию, автор вирш совершенно откровенно описывает ту обстановку, в которой спасаются «разумные и честные» души в монастыре: «романея и ренское», «сосуды златые», которые можно и красть, табак, и наконец «отрочата»... Нетрудно увидеть, что «Калязинская челобитная», пожалуй, даже слишком скромна в своих обличениях монастырской распущенности, сравнительно с тем размахом ее, какой она приняла в XVIII в.³

¹ А. С. Лебедев. *Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губ. Курской и Харьковской*, Харьков, 1902, стр. 13.

² Описание архива Ал.-Невской лавры за время царствования Петра Великого, т. I, СПб., 1903, 1713—1716 гг.

³ Привожу текст этих неизвестных в печати вирш по рукописи собр. Мазурина № 755, XVIII в. Составитель сборника внес эти вирши рядом с «Калязинской челобитной».

Л. 13 об.

О ОРАЧАХ, КОТОРЫЕ В ЧЕРНЦАХ

Мужик глупой, кинув свое орачество,
 И бежит на погибель в монашество.
 Первее орачь в рясу пострижется,
 За то от умных жуком назовется.
 Егда же орачь в мантию пострижется,
 За то от умных вороном прозовется.
 А егда орачь в схиму облечется,
 То от премудрых мышью наречется.
 З жука, с вороны и мыши нет добра,
 Разве от них зломерскаго дерма.
 Для того постригся мужик от рала,
 Чтоб в монашестве губа его лгала.
 Яко изначала дивавол ложь есть,
 И всякая лжа в людех от него есть,
 Для того стрижется мужик от рала,
 Чтоб рука его в монастыре крапа.
 Украл сосуды златые мужик сохар,
 И дал ту кражу сатане в дар.
 Он для того и восприял монашество,
 Чтоб им получить себе богатество.
 Во оковах тяжко двизать,
 Так и богатому рая достигать.
 Тесен вход ужу в ыглине ушеса,
 Не широк путь и богатому в небеса.
 (Л. 14) Орачь он стрижется не на святость,
 Но на самую глупую праздность.
 Птиц убо, парящих по воздуху высоко,
 Аще и зрит хитра стрелца око,
 Не может их парящих уязвити,
 Ждет даже сядут на древо почити.
 Тако и демон сущих в трудех не стреляет,
 Разве коих праздных обретает.
 Орачь он стрижется не на святость,
 Но на самую глупую леность.
 Ибо велии есть корень злomu,
 Всяк ленивец непотребен никому.
 Всяк ленивец есть древо неплодное,
 Сечению и огневи годное.
 Чернец орачь породы свинской
 Любит пить романею и реиско.

Аще кто даст свини в ноздри колцо злато,
 Обаче начнет рыти кал и смрадно блато.
 Кто бы гладил свинию ублатнену,
 Нося на себе ризу узлатнену,
 Всяк ее от себе прочь отгоняет,
 Зане обоняние зело воняет.
 Так и орача негодно постригать,
 Годно его от лавры прочь отгонять.
 В белцах орачь бо просит, яко рыба сом,
 А в чернцах орачь является злым псом.
 (Об.) Аще кто тя во храм свои водворит,
 И таковым псом весь храм свои осмрадит,
 Для того господа близ врат псов берегут,
 Что они господина дома стерегут.
 Так кто и орача мнихом сотворит,
 Не плоше пса им лавру осмрадит,
 Он стрижется для вина и табаку,
 Чтоб на чужем хлебе лежать на боку.
 Не так муха летит на мед сладак,
 Как чернец орачь на вино падак.
 Не так злыи волк падет на овчата,
 Как чернец орачь лстив на уныя отрочата.
 На иноки — отрочата и вино
 Злеише оружие сатанино.
 От орача мужика глупца мниха
 Нет в нем добра кроме всякого лиха.
 Многих монахов мужиков орачей
 Бес в чернцах учиняет богачей.
 Тем богатством накупаются на власть,
 Чем бы было душам их во ад попасть.
 Не толко с древ листу на землю падоша,
 Сколко в России людей глупых погибоша,
 Ныне же тех людей много погибает,
 А орачь ту гибель в святость вменяет.
 (Л. 15). Мнишеск путь свят, я ево не поношаю,
 А орачам не благ, то вам внушаю.
 Мнишеск путь свят честным людем разумным,
 А не орачам свиньям неразумным.

Ряд устных песен, бытовавших в течение всего XIX в., а частично дошедших и до нашего времени, отражают эту «пьяную» репутацию монастырей, уходящую в их отдаленное прошлое. Так, напр., в старых записях П. В. Киреевского есть песня под заглавием «Монашеская на глас тебе

бога хвалим» — явный продукт творчества самих обиженных монахов, где речь идет, как в исторических документах, о пьянице-строителе:

Дал нам бог строителя, строителя разорителя,
И бражника пьяницу, хлебодара скупого.
Он по малу нам хлеба дае,
Нам этого хлеба на обед не стае.
Рассердимся, братне, на отца на игумена,
Не пойдем ни к обедни, ни к заутрени,
Ни к его честному молебну.
Открою нам погреба холодные,
Опустя черпала медные.
Различкнем, почерпнем, по компании разнесем,
Слава тебе, хололному погребу
И тебе архимандриту новому».¹

Монах, пьющий в кабаке, — герой песни, записанной Семевским в Торопце в 1860-х гг.:

В одной келье монах бедный спасается,
По три разика в день напивается.
Как к обедне зазвонят, так монах идет в кабак,
С себя рясу пропивает и каблук он закладает.
А целовальник не примаает, чернеца в шею толкает:
— Поди прочь, не докучай, не в теперешний случай!
Поди в келейку, пора, не заперты ворота. —
— Чем мне в келейку итти, лучше в рощицу зайти. —
В роще девки грибы брали, а чернеца в глаз не видали.

¹ Песни, собр. П. В. Киреевским, новал серия, вып. II, часть вторая, М., 1929, стр. 326. Продолжение этой песни не имеет отношения к монастырской жизни. Близкий вариант этой песни под заглавием «Глас 6 пение без канонарха» записан еще в 1926 г. от монахов б. Клименецкого мон. в Заонежье, дер. Конда (Архив фолькл. секц. ИАЭ Акад. Наук).

Братия, братия, рассердимся мы на отца нашего игумена,
Ни пойдем мы ни к вечерни, ни к утрени.
Ни к великому подвечерию.
А скажем, чтоб открыл он нам погреба глубокне.
И вынести бочки толстобокне.
А мы, любая братия бедная, возьмем черпала медные
Выпьем по одной и помолимся...

От тех же монахов записана хвала водке под заглавием: «Глас 4 пение с канонархом»:

Достойная ты перцовка, многотимая ты сивуха,
Мы тебя ублажаем, каждый день по бутылочке выпиваем.
Прошла еси ты огни и воды и медные трубы,
Попала ты монахам в зубы, натерпелася великие муки.

Доходили до конца, увидали чернеца.
Девки песенки запели, чернецу плясать велели.
Как начал же наш чернец, чернец бедный поплясывать,
Про свое житье Машеньке рассказывать:
Не роди, боже, на свете молодым монахом быть,
Не велят монаху во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
И еще того тошнее — красных девушек любить.¹

Таким образом, тема «Калязинской челобитной» подводит нас непосредственно к подлинному быту монастырей, каким его знают исторические документы и второй половины XVII в. и гораздо более позднего времени, пока вообще существовали монастыри. Но если мы сравним самую манеру изображения этого пьянства автором «Калязинской челобитной» и его современниками — авторами челобитных-жалоб, то преимущество останется на стороне первого. Все они говорят об одних и тех же фактах, но то, что в челобитных передается однообразными застывшими жалобами — «пьют и бражничают безобразно», «церковь божия стоит без пения», «монастырь запустошили» и т. д. — у автора «Калязинской челобитной» развертывается в живой и образной картине. Взяв схему челобитной, как она закрепилась к его времени, наш автор заполнил ее рядом умело схваченных моментов монастырской жизни, показал типы, которые надолго сохранили для читателя свою правдивость — и в этом, конечно, разгадка такой длительной популярности памятника, говорящего о старой и привычной в русском быту теме. Реализм изображения в «Калязинской челобитной» доведен до высокого мастерства. «Понамари-плуты», которые «из колоколов много меди вызвонили, железные языки перебили, три доски исколатили», «старец Уар», который «подле келей з дубиной» ходит, «в келейные двери колотит», «кривой Фалалей», «с шелепом» стоящий у монастырских ворот и непускающий «богомольцев» в слободу «коровницам благословения подать», наконец сами монахи, сидящие «круг ведра без порток в одних свитках», которые к утру от этого занятия так «утруждаются», что не помнят «где клобук с мантией» — все это типы, оживающие перед нами, благодаря нескольким удачно набросанным штрихам. Образность языка проходит через все изложение в «Калязинской челобитной». Автор не говорит просто о строгости архимандрита, о том, что он подает монахам пример умеренной жизни, а иронически пишет, что у него «смыслу не стало», «вдрух ума не стало», «сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет, мыши с хлеба опухли, а мы

¹ А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 309—310.

з голоду мрем». Автор подробно перечисляет, чем кормил по постным дням монахов Гавриил, и чем, по их мнению, следовало бы их угощать. Этот перечень как будто списан с «книг во весь год в столы еству подают», какие в XVI—XVII вв. существовали и для царского и для монастырского обихода.¹

Неудовольствие монахов на восстановление длительных служб в церкви автор изображает как их заботу о сохранности монастырской казны: архимандрит де «казны не бережет, ладану и свеч много зжет, церковь запылит, кадилы закаптит»; монахи просят, чтобы архимандрит «в утерной убыточной казне отчет бы дал» — надо «счесть колакала да чеши весом, а уголья мерою, доски и с колотовки числом». Прямо из быта взяты те «мастера старые питухи», которых калязинские монахи вызывают себе на помощь, чтобы после разгона Гавриилом «старых пьяных» было бы кому «впредь заводу заводить, пива наварить, да медом подсыгить». Этим «мастерам», «старым бражникам» начальство дает инструкцию, «чтобы они делом не плошали, кафтаны бы лутчие с плеч сложили... иных бы пить научали». Один из них — «без грамоты поп Колотила с Покровки» — точно списан с тех буйных безместных попов, с которыми тщетно боролось в Москве начальство, старавшееся прекратить их сборища у Спасского моста, нередко переходившие в драки и всякого рода «безчинства великие». У церкви покрова богородицы в XVII в. была устроена «поповская изба», которая стремилась взять в свои руки распределение этих безместных попов по церквам. Эта поповская изба была в ведении патриарха, оттого и в «Калязинской челобитной» один из списков добавляет к обычному чтению «явно стало на [Москве начальным людям пьяным] — «в патриаршем приказе» — о бедствиях Калязина монастыря, и они распорядились «в числе других опытных пьяниц послать туда «с Покровки без грамоты пона Колотила».²

Таким образом, не выходя из рамок современного ему быта, автор «Калязинской челобитной» мастерски оформляет свой материал, создавая типичные образы, актуальность которых благодаря этой типизации надолго

¹ См. И. Забелин. [Домашний быт русских царей, ч. II, М., 1915, стр. 686 в сл.; его же, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст., СПб., 1887, стр. 122—124. Домострой.

² О безместных попах и поповской избе см. И. Забелин. История города Москвы, ч. I, М., 1905, стр. 630—634. В 1604 г. боярский сын Чортов так писал о них патриарху Иозу: «А садятся безместные попы и диаконы у Фроловского моста и стоят у покрова богородицы, пред божественною литургиею правила не правят и безчинства чинят великия, межь себя бранятся и укорижны чинят скаредныя и смехотворныя, а иные межь себя играют и борются и кулачки бьются». Улица от этой церкви до Варварских ворот называлась в XVII в. Большой Покровской (И. Снегирев. Москва, т. I, М., 1865, стр. 178, 186).

пережила породившую их эпоху: в течение всего XVIII в. «Калязинская челобитная» старательно переписывается и наконец в середине века доходит до лубочного издания.

В какой среде создалась эта яркая антимонашеская сатира? Первый издатель «Калязинской челобитной» обошел вопрос, глухо лишь заметив, что она «приносится от имени крылошан». Чтобы ответить хоть предположительно на этот вопрос, следует пристальнее всмотреться в данное стилистическое оформление такой старой для русской литературы темы, как пьянство.

Сличая «Калязинскую челобитную» с современными ей историческими документами, мы убедились, что характерная черта ее изложения — художественный реализм. Форма, в которую облек автор свой сюжет, вполне соответствует его основному заданию — показать резкое расхождение между монастырской практикой его времени и уставом монастырской жизни. Пародия на челобитную-жалобу создает требуемое впечатление контрастом между назначением всякой челобитной — восстановить справедливость — и жалобами калязинских монахов на «слихого» архимандрита, наказывающего их за распущенность. Контрастирующий прием, избранный автором, для второй половины XVII в. следует признать удачным. К этому времени форму челобитной знали хорошо не только специалисты — приказные служащие. Трафарет челобитной встречается в рукописных азбуках к. XVII—XVIII вв. рядом со всевозможными образцами писем.¹ Таким образом схема челобитной уже была отделена от ее конкретного наполнения, и читателю нетрудно было схватить замысел автора.

Пародирование челобитных, доведенное до карикатурности, встречается в рукописях и помимо «Калязинской челобитной». Таковы две челобитные из сборника Буслаева (Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина) О. XVII. 57, первой четверти XVIII в. Судя по испорченности текста их, они списаны с более раннего оригинала, таким образом они по времени близки к «Калязинской челобитной».

(Л. 273—274 об.)

Список с челобитной

Господину моему судье свинье бьет челом и плачетца и за печь прячетца. Ис поля вышел, из лесу выполз, из болота выбрел, а неведомо кто. Жалоба нам господам на такова же человека, каков ты сам. Ни ниже, ни выше, в твой же образ нос, на рожу сполс. Глаза нависли, во лбу

¹ Образец челобитной издан Н. Калачовым — Азбуки-прописи. Архив ист.-юрид. сведений, относящ. до России. М., 1859, отд. 3, стр. 13.

звезда, борода у нево в три волоса широка и окладиста, кавтан . . . ной, пуговицы тверския, в три молота збиты. Господарь судья свинья, возми на колачи, а делом не волочи.

(Л. 287—288 об.)

Челобитная

Господа бояря, судите, рядите в божию правду, в крепное целование. Дело у вас в месяце саврасе, в серую субботу, в соловой четверк, в желтой пяток. День шел де я Сергунка в судне по подледью в зиме на свинье, сам стоял на петах, а ж . . . вес в тороках, по четыре чяса на день, а руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел. Как буду де я Сергунка против Симонова лицом, Воробьева задом, тут де мои недруги стоят, ниже меня ростом и глупея меня разумом, именем он долог. И тут де они меня били и грабили, однорятку сняли не тем цветом, чирей нарядной Данилу Бархотичу, татоур вяземских лык. Возми на колачи, а делом не волочи, аминь хлопочи. Конец сей тетради свершися аминь.

Эти шуточные челобитные-пародии, с одной стороны, несомненно, примыкают к деловому языку XVII в. — ср. начало первой челобитной с обычным обращением челобитчика: «бьет челом и плачется»,¹ и начало второй пародии с формулой вопроса, повторяющейся в следственных делах XVII в.: «Уличаю, господине, их божьею правдою, целовав крест».² С другой стороны, вся манера этих двух пародий-челобитных целиком совпадает с теми скороморшыми небылицами, которые до сих пор бытуют в устной традиции.³ Здесь то же нагромождение невероятностей, как в наших пародиях, напр.: «руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел» — ср. в «прибалутке»: «на босу ногу топор надевал, топоричем подпоясывался, кушаком дрова рубил» (стр. 508); или: «борода в три волоса широка и окладиста» — в «прибалутке» так описывает муж красоту своей жены: «жона была раскрасавица, из лохани брана, помелом нарисована» и т. д. (там же). В пародиях, как и в небылицах-прибаутках та же склонность к рифмованной речи.

В отличие от «Калязинской челобитной», эти шуточные пародии-челобитные не имеют такого ясно выраженного сатирического духа: единственным в бшадом по адресу судей можно в них считать заключительные слова — «возми на колачи, а делом не волочи». Они сближаются с «Калязинской челобитной» лишь своим литературным замыслом, свидетельствуя

¹ Акты юридические. Изд. Археогр. комиссии, СПб., 1838, стр. 84 и др.

² Там же, стр. 47—49.

³ Н. Е. Ончуков. Северные сказки, СПб., 1908, стр. 46, 72—73, 143, 507, 508.

лишний раз о вкусе XVII в. к пародированию старых форм не только литературного в тесном смысле слова, но и делового языка. Роднит их с «Калязинской челобитной» и рифмованная речь. Следует отметить и то, что обе шуточные челобитные возникли, видимо, где-то или в Москве или вблизи нее, судя по упоминанию Симонова монастыря и Воробьевых гор, как и «Калязинская челобитная», знающая пьяного попа «с Покровки». Можно думать, что все три памятника создались в какой-то однородной среде с близкими литературными вкусами.

«Калязинская челобитная», в отличие от обеих указанных челобитных-небылиц, выдержана в тоне серьезной пародии. Она с начала до конца выдерживает трафарет челобитной, совершенно серьезно излагает жалобу монахов на «лихого» архимандрита и обстоятельно описывает все подробности его столкновений с братией, как это и надлежало бы в настоящей челобитной-жалобе. Пародирование начинается здесь с самого заглавия: «список с челобитной» либо «челобитная» — оба названия известны подлинным документам. В XVIII в. слово список заменяется иногда более привычным для того времени названием «копия». Обращение — «Великому господину преосвященному Симону архиепископу тверскому и кашенскому бьют челом богомольцы твои Калязина монастыря крылошане» — повторяет обычный тип обращений всех челобитных, независимо от титула лица, которому подается прошение, напр.: «Господину преосвященному Симону, архиепископу вологодскому и белозерскому Стефан Наумов челом бьет»¹ или — «... бьют челом богомольцы твои богоявленского островского монастыря казначей старец Иларион с братией...»² Формулу «Калязинской челобитной» — «жалоба государь, нам богомолцем твоим того же Калязина монастыря на архимандрита на Гавриила» — встречаем постоянно в челобитных XVII в., напр., «Жалоба мне, государь, того ж села Высока на Прокофьевых детей на Семена меньшова да на Федора» (Титов, стр. 44). В подлинных челобитных истцы духовного звания именуют себя «богомольцы твои», повторяя эти слова каждый раз, как им приходится говорить о себе (там же, стр. 16—18, 24, 37 и др.). Нанизывание фактов, на которые жалуются монахи в «Калязинской челобитной», производится, при помощи переходных формул: «да он же архимандрит», «да по ево ж приказу», — ср. в челобитных «да он же», «да тот же» (там же, стр. 7,

¹ В. И. Срезневский. Отчет ОРЯС АН о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губ., июнь 1902 г. СПб., 1904, стр. 295.

² А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, в. IV, Серг. посад, 1897, стр. 16.

14, 23). Окончание «Калязинской челобитной» — «господин, смилуйся» — вполне соответствует обычному заключению челобитных на царское имя: «Царь государь, смилуйся» (там же, стр. 5, 6, 10—14 и др.). В документах иногда указывается, кто писал их, напр.: «выпись писал ярославской площади подьячий Оська Федоров» (там же, стр. 155). Эта формула, облеченная в рифмованную речь, у автора «Калязинской челобитной» принимает шутливый оттенок, благодаря подбору имен писавших: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила мельник, да Роман Бердник, да Фома Веретенник». Отзвуки подлинных челобитных слышны не только в общей схеме нашего памятника, но иногда и отдельные выражения жалоб монахов повторяют язык документов. Утомленные строгостью Гавриила, напр., монахи жалуются, что он «старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и эта жалоба точно повторяет характерное выражение челобитных вообще, определяющее в них степень нанесенного вреда. В челобитной богоявленского островского монастыря игумена Авраамия с братией рассказ о «насильствах крестьян» над монастырским имуществом заключается теми же словами: «дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и дальше — «чтоб от такова их насильства твое царское богомолье не запустело» (Титов, назв. соч., стр. 38).

«Калязинская челобитная» иронически обещает от лица монахов такой способ обогатить монастырь: «рожь да ячмень в солод изростим, овсяные брашки поставим, а на денги вина прикушим» — почти теми же словами изображается в челобитной, как игумен Ферапонтова монастыря тратит монастырскую казну: «из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные денги про них вино покупают безпрестанно» (Срезневский, назв. соч., стр. 297).

Но для автора «Калязинской челобитной» характерно не только хорошее знание современного ему делового языка. Он, как и авторы других сатир второй половины XVII в. (служба кабаку, повесть о попе Савве, повесть о ерше), все время сбивается на рифмованную прозу. Это не та виршевая манера, которую культивируют в это же время на верхах московского литературного мира: рифмованная речь «Калязинской челобитной», скорее ведет нас к остаткам скоморошьяго языка, сохранившимся в устной традиции — в небылицах, в «скоморошьем ясаке» сказок, прибаутках, свадебных приговорах дружек и наконец в пословицах. С последними сближаются некоторые выражения «Калязинской челобитной» и текстуально, а не только рифмой. Так, жалуясь на скудную пищу, монахи говорят, что у них «репа

да хрен, да черной чашник Ефрем» — как в пословице «Ефрем любит хрен» (Симони. Старинные сборники русских пословиц..., СПб., 1899, стр. 99, № 849); «крылоски люди живут небогато, нажитку не имеют, только у них плошки да лошки», рассказывает «Калязинская челобитная», вслед за пословицей «Животы у старца толка плошка да лошка» (там же № 938); архимандрит Гавриил, по словам челобитной, «сам во нраве своем един живет да з горя сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет», ср. пословицу «Разорение монастырю — квас густ, а игумен воду пьет» (там же № 620). Возможно, что поп «с Покровки» назван в челобитной «Колотило» не без воздействия пословицы «Живи Колотило за рекою, а к нам ни ногою» (№ 1005). В том же пословичном стиле построен и еще ряд выражений в «Калязинской челобитной», как напр., «за плечами тело нужно, а под шелепами лежать душно», «за плечами кожа вертитца, от того и ночью не спитца», «честь нам у него была добра, во всю спину равна» и т. д.

Вся челобитная написана просторечием, ничем не напоминающим книжный литературный язык московской литературы второй половины XVII в. Этот язык, без славянизмов, живой и образный, с простым синтаксисом роднит «Калязинскую челобитную» с группой памятников того же времени, объединенных, кроме стиля, и своим критическим отношением к разным сторонам тогдашнего быта и государственного строя, в том числе и к пьянству. Это просторечие, как мы видели на ряде других памятников, проникало в литературу скорее всего через посадское население. Здесь во второй половине XVII в. постоянно бродило недовольство, протест прорывался иногда резкими вспышками, иногда же выражался лишь литературной сатирой. Автор «Калязинской челобитной», видимо, и вышел из этих критически настроенных слоев. Если в его языке и можно найти какую-либо профессиональную окраску, то это скорее всего отголоски языка деловых документов, которым должен был хорошо владеть автор, принадлежавший к младшим служащим — приказным, подьячим. Возможно, что в этом сословии, откуда между прочим направлялись надзиратели за монастырским хозяйством в некоторые монастыри, и зародилась сатира, обнаруживающая близкое знакомство автора со всеми секретами монастырского быта. В частности, автор знает и подробности, касающиеся собственно Калязина монастыря, имена его архимандрита и современного ему архиепископа, даты их управления монастырем, помнит моровую язву 1654 г., памятную этому монастырю. Видимо, в этом монастыре он жил. Знает он и Москву. Может быть, он действительно был одним из таких надзира-

телей, вроде Стефана Наумова, жаловавшегося на порядки в Феропонтовом монастыре. Но, несомненно, его сатира выходит далеко из рамок узко местных: картина пьянства, набросанная им по своим наблюдениям, оказалась такой яркой, что весь следующий век читает и переписывает «Калязинскую челобитную», не ощущая ее устарелой. Мало того — в середине века появляется ее лубочное издание.

Есть ли необходимость связывать это издание, как сделал Ровинский, с агитацией в пользу закона о передаче государству монастырских и церковных земель? Думаю, что нет. Секуляризация церковных имений подготавливалась уже давно, и Екатерина, временно отменившая произведенное Петром III изъятие церковных вотчин из ведения духовной власти и уверявшая — «не имеем мы намерения и желания присвоить себе церковные имения», — через два года решительно экспроприровала церковь. Нам нет необходимости в данный момент останавливаться на причинах этой экспроприации. Достаточно отметить, что протеста можно было ждать только со стороны материально заинтересованного в сохранении за церковью земельных владений высшего духовенства. Но и оно, крутой мерой лишенное материальной базы, замолкло, если не считать единственного протестующего голоса Арсения Мацевича.¹ Между тем «Калязинская челобитная», изображающая пьянство монастырской братии, совершенно не трогала образа жизни этих церковных феодалов, и в этом смысле вряд ли могла быть выгодна как предварительное агитационное средство в пользу отнятия земель. Никаких данных, что запротестуют против него монастырские крестьяне, у правительства не было; им и под монастырской рукой жилось несладко, как показывают их жалобы на «насильства» со стороны этих хозяев и многочисленные крестьянские волнения, захватившие и монастырские вотчины. Точно также и городское население, которое наравне с крестьянством было главным потребителем лубочных изданий, было мало заинтересовано в предстоящей реформе, и Екатерина вряд ли стала бы заботиться о пропаганде своих идей по этому вопросу среди этих общественных слоев. Скорее всего можно предположить другое. Указы и запрещения касались в это время, главным образом, лубочных священных изображений, в которых было заинтересовано духовное ведомство. Листы же светского содержания, по наблюдениям Забелина, «предоставлены были полнейшему произволу их сочинителей и свободно распространяли в народе свои остроумные шутовские, а иногда и очень циничские,

¹ Н. М. Никольский. История русской церкви, 1930, стр. 144—146.

рисунки и текст».¹ Либо «Калязинская челобитная» прошла в числе таких цензурных изданий, либо ее издание совпало с тем временем, когда легкий налет либерализма первых лет царствования Екатерины II мог отразиться и на цензурных правилах. Памятник, не затрагивающий прямо церковную администрацию, мог и не вызвать никаких возражений со стороны цензурного начальства. Что же касается читателей XVIII в., то для них и тема «Калязинской челобитной», и ее живой образный язык сохраняли всю свежесть: быт поддерживал те впечатления, какими она была вызвана в XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

² Список с челобитные какова подана во рѣе году Калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила въ его неисправном житии слово в слово преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому.

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои Калязина монастыря крылошаня черной дьякон Дамаско с товарищами. Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Калязина монастыря на архимарита Гавриила: живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне плуты понамари ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили и три доски исколотили. шесть колокол разбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же архимарит приказал старцу Умору³ в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить. нашу братью (л. 1 об.) будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим. около ведра ходя правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим. келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкве часто ходить и в книги говорить. А как он архимарит старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

¹ История города Москвы, т. I, изд. 2, М., 1905, стр. 642.

² Текст приготовлен к печати по ркп. библ. им. Ленина № 2432 Н. П. Поповым и любезно предоставлен им в мое распоряжение, за что приношу ему глубокую признательность. В рукописи часто пишется сокращенно — «арх», «м» — раскрываю обычными для XVII в. «архимарит» и «монастырь».

³ Уару У; Иору Заб.

Да он же архимарит монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он архимарит во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил¹ и нам, богомольцам твоим, от то(го) очи выело, горло засадило.

Да он же архимарит приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалелею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу сходить не велит, и скотья двора присмотреть, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посажает,² благословение коровнице подать.

(Л. 2) Да он же архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чють он архимарит монастырь не запустошил, некому впредь³ заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно стало на Москве начальным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили и после смотру лучших бражников сыскали, старого подьячего Сулима,⁴ да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошались,⁵ а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли. а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и напу бы братью крылопан с любовью в монастырь к себе принимали, и едину б мысль смышляли, как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы⁶ колокола отвязали (л. 2 об.), да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же архимарит проторно живет, в праздник и в будень напу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху⁷ учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали,

¹ *На полях другой рукой доб.*: «и кадило закоптил».

² посадить Заб.

³ доб. стало Заб., У.

⁴ певчего Седюяна Заб.

⁵ пошали, Заб. Ул.

⁶ доб. б У.

⁷ в ркп.: поругуху.

что и(с) тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить, да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкви б нам не ходить; а как мы пиво допьем, так и к церкви скоро пойдем. И он архимарит догадался, нашего челобитья¹ убоился, приказал пенку в веревки свивать, да вчетверо згибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас (богомольцев твоих тяжело опущать, а сам стоя конархает п нам),² богомольцам твоим, лежа и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его архимаритовы налоги по-неволе в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем,³ и от тое мы изморы (л. 3) скоро помрем.

Да он же архимарит великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сие: по утру рано за три часа до дни в чесноковик звонить, за старыми остатки часы говорить, а «блаженна» ведре⁴ над вчерашним пивом на шесть ковшов «слава и ныне», до свету на печь спать.⁵

Да он же архимарит нам, богомольцам твоим, изгону чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную, да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают, да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбаца телное, да две паровые, тиошка б во штиях, да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другия с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б поддельное мартовское да переварной бы мед. И у него архимарита на то и смыслу нет, у нас знающих людей не спросится, сам во нраве своем один жи(л. 3 об.)вет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекус, а сам воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту

¹ *доб.* не Заб. У.

² *Приписано на полях другой рукой.*

³ *в ркп.: тем.*

⁴ *в ведрах Заб.*

⁵ *в ркп.: статья.*

говорили и добра доводили, и к пиву приводили и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами крылошаны в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил, да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он архимарит родом ростовец, а правом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет, да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ремешными плетями, и та нам у него была честь добра во всю спину равна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом в вечеру утрудимся, до полуночи у пивново ведра засидимся, и на утро встать не можем, где клобук с мантиею не вспомним, и тогда мы немножко умедлим (л. 4) и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу. И он архимарит монашескому житию не навывчен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас не смысла крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталось старых лет запасов по подлавечью в хлебне стулья да чепи, в мукосейне по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караульне подлавки¹ снопы батогов, в кузнице по грядкам кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому удивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братию бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас на его место: у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим,² рожь да ячмень в солод обростим, да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарезать колокола отвязать, и велим в Кашии провозжать, да на } вино;³ (л. 4 об.) променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. А как мы архимарита избудем и доброго добудем, которой горазд лежа вино да пиво пить, а к церкви бы пореже ходил и нас бы. богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть,⁴ а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое зати- рать, а иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдём, когда вино да пиво доньем, в колокола не будем звонить, а на погреб и без звуку в полночь готовы ходить, ладану да свечь не будем жечь, пиво

¹ по подлавичью У.

² так У, в ркп.: прибадим.

да вино и с лучиною пьем,¹ уголью и смети не будут, ризы да книги вынесем в сунуло, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить, да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.

Милостивый великий господин преосвященный Симеон архиепископ Тверской и Капшинский, пожалуй нас, богомольцев своих, вели, государь, архимарита счесть в колоколах (л. 5) да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему архимариту безчестье немалое, а платить нам нечем, крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют толко лошка да плошка. А буде ему архимариту вперед мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки, поидем из монастыря по дорошке в иной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и въ иной монастырь поидем и поживем по рассмотрению с похмелья да с тоски² да с третьей брани³ и великия кручины в Колязин монастырь зайдём погулять в житницах и в погребях и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем. Смилуйся, пожалуй.

¹ ст. 116 п. 1 У.

² так У; здесь токий.

³ бродни У.